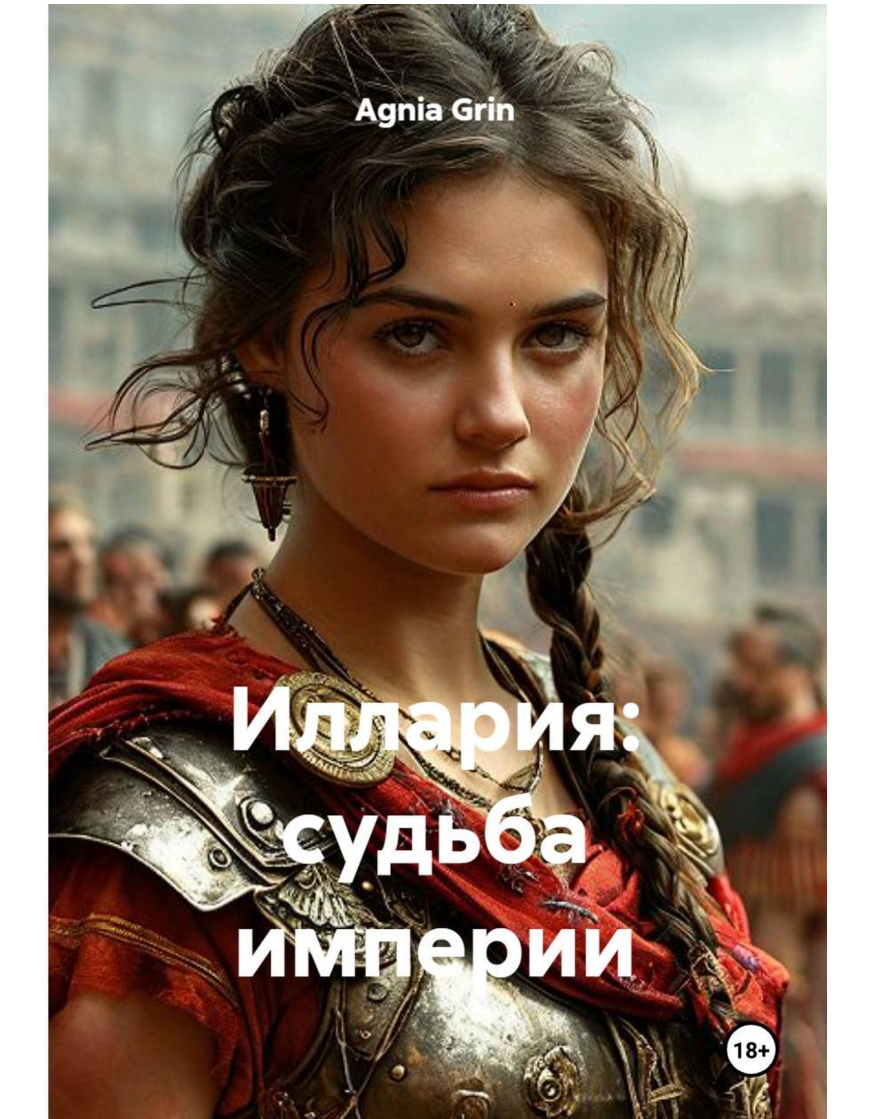

A close-up portrait of a young woman with dark, wavy hair styled in a braid. She is wearing Roman-style armor, including a metal breastplate and a red cloak draped over her shoulders. She has a serious expression and is looking slightly to the side. The background is a blurred crowd of people in a city setting.

Agnia Grin

Иллариа: судьба империи

18+

Agnia Grin

Иллария: судьба империи

<https://litres.ru/74200169>

SelfPub; 2026

Аннотация

Восемнадцатилетняя студентка Иллария Покровская готовится к экзамену по римскому праву. Уставшая от реальности, загадывает желание оказаться в Древнем Риме — рядом с Октавианом Августом. Желание исполняется: она падает на дорогу в 42 году до н.э. Её продают в рабство. Покупатель — молодой Гай Октавиан, холодный, недоверчивый. Она становится рабыней, но ведёт себя иначе: знает законы, знает его судьбу. Октавиан проверяет её, предлагает стать наложницей — она отказывается, хочет быть равной. В ярости приказывает выпороть её. Когда она лежит с израненной спиной, он приходит просить прощения. Их любовь рождается из боли. Она принимает его со шрамами, учит быть человечным. Вместе проходят войны, интриги, рождение детей, построение империи. Иллария знает: Октавиан умрёт в 14 году н.э., и она умрёт вместе с ним. Их любовь не заканчивается смертью — переходит в вечность. Роман о желании, ставшем жизнью, о любви, исцеляющей шрамы, о выборе, определяющем судьбу.

Agnia Grin

Иллария: судьба империи

АННОТАЦИЯ

«ИЛЛАРИЯ: СУДЬБА ИМПЕРИИ»

КОРОТКАЯ АННОТАЦИЯ

Она загадала желание — оказаться рядом с ним. Её желание исполнилось. Теперь она рабыня в Древнем Риме, а он — холодный, жестокий Октавиан, будущий император Август. Чтобы выжить, ей нужно не только узнать его тайны, но и исцелить его душу. Даже если это сломает её саму.

ИЛЛАРИЯ: СУДЬБА ИМПЕРИИ

ПОЛНЫЙ РОМАН

ЖЕЛАНИЕ, СТАВШЕЕ ЖИЗНЬЮ

ПРОЛОГ

Рим. Дворец Августа. 14 год от Рождества Христова. За три дня до кончины императора.

Запах ладана и увядающих роз смешивался с утренней прохладой, проникающей сквозь мраморные стены. Я стояла у окна в наших покоях, и мои пальцы, тронутые артритом, сжимали полированный край подоконника. Город, который я полюбила больше своей родины, просыпался в золотой дымке.

Семьдесят два года. Семьдесят два года, как я покинула ту заснеженную комнату в Екатеринбурге, оставив на полу разбросанные конспекты по римскому праву и догорающую свечу.

Рим за окном был уже не тем шумным, грязным, великолепным городом, который я увидела, стоя на помосте рабского рынка. Теперь это была столица мира. Мрамор, золото, статуи, акведуки, тянущиеся к горизонту. Империя, которую мы построили.

Но внутри, в глубине души, я всё ещё была той девушкой. Той, которая боялась экзамена и мечтала о человеке, чьё лицо видела только на пожелтевших страницах учебников.

Где-то внизу, в атриуме, слышался голос внука — он спорил с отцом о налогах. Я улыбнулась. Голос был требовательным, уверенным. Он был похож на голос Октавиана, когда тот был молод.

Я закрыла глаза, и передо мной снова пронеслись годы. Не как разрозненные картинки, а как одна длинная, непрерывная нить, сотканная из боли, страха, но прежде всего — из безграничной любви.

Было так много событий, что порой я сама забывала их последовательность. Битва при Филиппах, где я впервые увидела его смертельно бледным, придавленным лошадью, и поняла, что готова отдать свою жизнь за его жизнь. Наказание во дворе, когда я ощутила не только боль от кнута, но и ледяной страх в его глазах, когда он понял, что может потерять

меня. Рождение Гая — момент, когда я впервые услышала плач, который дал мне понять: я не просто гостя в этом мире, я его часть.

И сейчас, стоя у окна, я знала, что наша история подходит к концу. Это был не страх. Это было спокойное ожидание.

Сегодня я расскажу вам эту историю. Не так, как её пишут историки — сухо и безлико. А так, как её чувствовала я. Ибо эта история — не просто хроника войн и законов. Это история о желании, которое переросло в судьбу.

Это наша история. Моя и Октавиана. От свечи в общежитии до вечности на берегу бесконечного моря.

Глава 1. Желание накануне экзамена

Россия. Наша эра. Ночь перед экзаменом. Комната в общежитии.

Свеча догорала. Я смотрела на неё с той особенной ненавистью, которую студент испытывает к предмету, пожирающему последние часы его жизни. Воск стекал по ребристому боку дешёвой церковной свечи — я купила её в ларьке у метро, потому что в общежитии опять отключили свет, а сдавать римское право через три часа.

Три часа. Сто восемьдесят минут. Десять тысяч восьмисот секунд. Я считала их, как считают удары собственного сердца, когда ждут приговора.

Я сидела на полу в своей крошечной комнате. Квартира была съёмной — мама нашла её через знакомую риелторшу, когда я поступила на юрфак. «Девочке нужно своё про-

странство», — сказала она тогда, и я была благодарна. Комната была крошечной, но она была моей. Заваленной конспектами, книгами, пустыми стаканчиками из-под растворимого кофе и чувством полного, всепоглощающего опустошения.

За окном — ночной Екатеринбург, февральская стужа, снег, который не тает, а лежит и давит на город своей белой тяжестью. Он падал крупными хлопьями, залепляя окна, стирая очертания домов и фонарей. Город спал или притворялся, что спит. Я не спала.

Я — Иллария Покровская. Восемнадцать лет. Студентка юридического факультета Уральского государственного педагогического университета. И я готовилась к экзамену, который должен был либо сделать меня человеком, либо вышвырнуть с первого курса без права на восстановление.

«Институции Гая. Книга первая. О лицах...»

Слова плыли перед глазами, складываясь в бессмысленные пятна. Я смотрела на текст, но видела только чёрточки и завитушки — они танцевали, издеваясь надо мной. Усталость была такой глубокой, что я чувствовала её в костях — тупую, вязкую, как тот самый воск, капающий на пол. Она проникала в каждую клетку, делала веки тяжёлыми, а мысли — рваными и липкими.

Я закрыла глаза на мгновение, и передо мной вспыхнули образы. Белые колонны. Шумный Форум. Тени людей в толпах, проходящих по базиликам. Крики торговцев на рынке.

Запах хлеба, пота и благовоний. Я так много читала о Древнем Риме, что он стал почти реальным — более реальным, чем этот заснеженный город за окном. Более реальным, чем моя собственная жизнь.

— Иллария, — сказала я себе вслух, потому что если не говорить вслух, можно сойти с ума от тишины и собственно-го страха. — Ты учишь это уже две недели. Ты знаешь, что такое *capitis deminutio, infamia, cum manu, sine manu*. Ты знаешь, что такое манципация. Ты знаешь, кто такой Гай. Ну, или хотя бы то, что Гай — это не имя, а известный юрист второго века... второго века до нашей эры?

Я перепутала. Или нет? Какая разница. Голова шла кругом. Мысли путались, накладывались друг на друга, создавая какофонию, от которой хотелось закричать.

Книги лежали передо мной развалом — «Дигесты Юстиниана» в ксерокопии, которую я скачала с какого-то сайта и распечатала в университетской библиотеке, «Римское частное право» Новицкого, конспекты лекций, которые вела моя преподавательница — строгая женщина с глазами, видевшими в каждом студенте потенциального римского раба. И отдельно — толстая биография Октавиана Августа.

Я взяла её в библиотеке из чистого любопытства, когда поняла, что римское право без римской истории — как анатомия без тела. И зачиталась. Зачиталась так, что забыла про экзамен. Там, на пожелтевших страницах, оживал человек, которого я знала только по учебникам. Гай Октавий Фурин

— потомок всаднического рода, усыновлённый Юлием Цезарем, человек, который стал Августом — первым императором Рима, тем, кто превратил республику в империю.

Я смотрела на его бюст в интернете — классический, строгий, холодный. Каменные черты, пустые глаза. И думала: каково это — стоять рядом с таким человеком? Он не был красавцем, как Антоний. Не был гением, как Цезарь. Он был хитер. Расчётлив. Холоден. Он пережил всех, кто был талантливее и ярче, потому что умел ждать, умел терпеть, умел наносить удар тогда, когда противник этого не ждал.

Он был одинок. Окружённый врагами, не верящий никому. И я видела в нём того, кем могла бы стать сама — если бы не боялась.

Я влюбилась. Не в человека — в образ. В ту версию Октавиана, которую создали историки: одинокий, умный, уставший мальчик, который выиграл войну против мира. Мне было восемнадцать, и я умела влюбляться только в недостижимое. В то, что никогда не станет моим. В то, что смотрело на меня с пожелтевших страниц и молчало.

Но за этим образом стояла реальность, которую я не могла знать. Я не знала, каким он был на самом деле. Я не знала, что его холодность была не просто маской — она была броней, которую он носил с детства. Я не знала, что его недоверие к людям было не паранойей, а выученной реакцией на предательства, которые начались, когда ему было всего десять лет. Я не знала, что человек, которого я любила по кни-

гам, на самом деле был сломленным мальчишкой, который научился выживать, убивая в себе всё человеческое.

Но это я узнаю позже. Тогда, сидя на полу в своей комнате, я видела только образ. Идеальный, недостижимый, прекрасный образ.

Я перевела взгляд на телефон. На экране застыла фотография мамы — она улыбалась, прижимая к себе моего младшего брата Мишку. Ему было всего десять. Он ходил в третий класс, коллекционировал наклейки с динозаврами и мечтал стать палеонтологом. А ещё он любил, когда я возвращалась домой на выходные, и мы вместе смотрели старые фильмы, пока мама пекла блины.

Я вспомнила его голос по телефону неделю назад:

— Иллария, ты приедешь? Мы с мамой купили тебе шарф, он очень тёплый. И я нарисовал тебе картинку — там Рим, как ты любишь. Только у меня колонны получились кривые, но ты не смейся, ладно?

Я тогда пообещала приехать. Через две недели. После экзаменов. Папа, при воспоминании об умершем отце у меня защемило сердце. Я спешно открыла на телефоне фотографию, на которой еще Мишка совсем еще малыш и папа с мамой нас обнимают. Мы были тогда счастливы, счастливая любящая семья. Папа умер, еще в прошлом году, но боль не проходила. Она затаивалась глубоко в сердце и охватывала меня внезапно, набрасываясь как жадная штормовая волна. Мама держалась ради меня с Мишкой, она обещала папе

быть сильной, не сдаваться. И я обещала.

Вот я здесь, смотрела на снег за окном и чувствовала, что проваливаюсь в бездну, какую-то темную зыбь. Я не хотела подводить их, боялась, чтобы они узнали, что я не справилась. Мама работала в две смены, чтобы оплатить мою съёмную комнату в общежитии. Мишка копил свои карманные деньги, чтобы купить мне шоколадку к экзамену. Я не могла разочаровать их.

Но я не могла и собраться.

— Глупо, — сказала я себе громче, пытаясь стряхнуть оцепенение. — Ты сдаёшь экзамен через три часа. Собирайся, идиотка. Ты не имеешь права провалиться. Ты не имеешь права подвести маму. Ты не имеешь права подвести Мишку.

Я закрыла глаза, глубоко вздохнула и попыталась сосредоточиться. Но передо мной снова проходили образы римских форумов: белый мрамор колонн, тёплый свет солнца, шумные рынки, крики торговцев, звон оружия в военных лагерях. Я видела его — Октавиана — высокого, худого, бледного, с острым взглядом серых глаз, с плотно сжатыми губами, с той особенной прямоотой осанки, которая выдаёт человека, рождённого повелевать.

Я хотела быть там. Не здесь. Не в этом заснеженном городе, не с этой кучей конспектов, не с этим липким страхом перед экзаменом. Я хотела быть рядом с ним. Хотя бы на минуту. Хотя бы в мечте.

Я думала о том, как он стоял на форуме, смотрел на тол-

пу и не видел ни одного лица, которому мог бы доверять. Я думала о том, как он просыпался по ночам в холодном поту, боясь, что его убьют во сне. Я думала о том, как он сжимал зубы, когда сенаторы смеялись над ним, потому что он был слишком молод, слишком худ, слишком слаб.

Он не был рождён императором. Он стал им.

Я хотела быть рядом. Не чтобы спасти его — он не нуждался в спасении. А чтобы он знал, что есть кто-то, кто видит его настоящего. Кто не боится его. Кто не хочет его использовать.

И я сказала это вслух. Тихо, почти шёпотом, отчаянно, как молитву, как заклинание:

— Я хочу быть там. С тобой. Рядом с тобой.

Свеча моргнула. В комнате стало тише — так тихо, что я услышала биение собственного сердца, гулкое и частое, как барабан перед казнью. Я открыла глаза и увидела, как воск на свече странно задвигался — не стекал, а как-то втягивался внутрь, будто свеча дышала, будто в ней билась собственная жизнь.

— Что за... — начала я — и почувствовала холод.

Не тот холод, что идёт от окон в феврале. А другой — глубокий, плотный, как вода перед смертельным погружением. Он начался в груди и разлился по всему телу, скручивая мышцы, сжимая грудную клетку. Я пыталась закричать — не смогла. Рот открывался, но из горла выходил только свист — тонкий, почти нечеловеческий.

Книги посыпались на пол. Свеча погасла. Тьма сгустилась — и я почувствовала, как моё тело становится лёгким, как пух. Как будто я падала — но не вниз, а вверх. Или вбок. Или никуда.

И мир исчез.

Глава 2. Рынок под палящим солнцем

Рим. 42 год до нашей эры. Рынок рабов. Полдень.

Я упала. На пыльную землю, твёрдую и горячую — не как февраль в Екатеринбурге, а как июль на юге Италии. Лицо ощутило жар, губы пересохли мгновенно. Я закашлялась, пытаюсь понять, что произошло, судорожно хватая воздух.

Я лежала на боку, на обочине дороги. Дорога была широкой — каменная, мощёная, с колеями, пробитыми тысячами повозок. По бокам — высокая трава, пожухлая от солнца, и редкие оливковые деревья. В воздухе витал запах сухой земли, травы и чего-то сладковатого — можжевельника, может быть.

Небо было другим. Не серым, не зимним, не с низкими тучами. Ярким, синим, с жёлтым солнцем, которое пекло безжалостно, как печёт только в тех местах, где никогда не бывает снега. Солнце стояло в зените, и тени под деревьями были короткими, чёткими.

Я медленно поднялась на ноги. Руки дрожали. Голова кружилась. Я оглядывалась, пытаюсь понять, где я. Это был не Екатеринбург. Это был не УрГПУ. Это была не моя жизнь.

На мне была та же одежда — джинсы, свитер, лёгкая курт-

ка. Но всё это выглядело безумно, нелепо, как костюм космонавта в средневековом селе. Джинсы были тёмно-синими, свитер — серым, куртка — чёрной. Я смотрела на свои руки — бледные, дрожащие. На кроссовки — белые, испачканные пылью.

Пыль вилась вокруг меня, сухая, колючая, оседала на коже, на волосах, в лёгких. Где-то вдалеке слышались голоса — крики, смех, ругань на языке, который я узнала мгновенно. Латынь. Настоящая латынь.

Не та, которую мы учили на парах — сухая, книжная, мёртвая. А живая, хриплая, грубая, с резкими интонациями и гортанными звуками. С акцентами, которых не было в учебниках. С интонациями, которые невозможно передать на бумаге.

Я стояла на обочине, и сердце колотилось так, что я слышала его в ушах. Я закрыла глаза, как делала в детстве, когда хотела, чтобы страшный сон исчез. Но когда я открыла их — пыльная дорога, жаркое солнце и голоса на латыни никуда не делись.

Я начала дрожать. Мелкой, нервной дрожью, которая перерастала в судорогу. «Это сон. Это просто сон — я уснула над учебниками, сейчас я проснусь...» Но я не просыпалась. Я сжала пальцы до боли в ладонях — и ничего не изменилось. Я ущипнула себя за руку — и почувствовала боль.

Я сделала первый шаг. Потом второй. Потом побежала — куда-то по дороге, не зная куда, просто чтобы двигаться, что-

бы не стоять и не смотреть на этот мир, который был таким же настоящим, как и мой. Пыль летела из-под ног. Я бежала, и ветер свистел в ушах. Я бежала, пока не увидела впереди повозку, гружённую амфорами.

Я бежала, и понимала: всё реально. Запах земли, тепло камня, звуки, ветер, который шевелил волосы. Это был не сон. Это была правда.

Я упала на колени в траву и закричала. Закричала так, как никогда не кричала в жизни — без слов, просто звук, вырывающийся из груди, отчаянный, бессильный, дикий. Звук, который шёл из самой глубины моего существа.

И этот крик привлёк внимание людей на дороге. Они остановились. Повозка, гружённая амфорами, затормозила. Двое мужчин — загорелых, с грубыми лицами, в грязных туниках — спрыгнули на землю и направились ко мне. Я подняла голову, когда их тени упали на меня.

Они были высокими. Крепкими. Их лица были обветренными, руки — мозолистыми. Пахло от них потом и вином.

— Что, потерялась, голубка? — спросил один из них, ухмыляясь. Латынь. Я поняла каждое слово. — Не местная, видно. Одежда — странная. И волосы... Никогда таких не видел.

Они смотрели на мою одежду — на джинсы, на свитер, на кроссовки — и в их глазах было что-то сложное: любопытство, презрение, и — что хуже всего — оценка. Оценка товара. Мужчина, что был выше, провёл пальцем по краю моей

куртки, хмыкнул.

— Мне... мне нужно... — начала я на русском и тут же осеклась. Что я делаю? Они не поймут ни слова.

Я перешла на латынь. Ту самую латынь, которую я учила два года и так ненавидела. Она вышла из моего рта странной — чуть замедленной, с русским акцентом, но понятной.

— Я... я не знаю, где я. Я потерялась. Я... — Я запнулась, глядя в их лица. Они не верили мне. Конечно, не верили. Какая женщина путешествует одна, без сопровождения, в такой одежде, по такой дороге? В этом мире женщины не путешествовали одни. Это было немыслимо.

— Ты рабыня? — спросил второй мужчина, шагнув ближе. От него пахло потом и вином. — Сбежала? У тебя нет знаков, но это можно исправить. Таких, как ты, ловят быстро. Хозяин будет рад вернуть свою пропажу.

— Я не рабыня, — ответила я, вставая. Мой голос дрожал, но я старалась держать его твёрже, хотя внутри всё тряслось. — Я заплакала.

— Смотри, — сказал первый мужчина, обращаясь ко второму. — Говорит хорошо. Чисто почти. И внешность... — Он оглядел меня с головы до ног, задержав взгляд на лице, на волосах. — Таких на рынке берут хорошо. Господа любят экзотику.

Я похолодела. Я поняла, что они имеют в виду.

— Я не рабыня, — повторила я, но в голосе уже не было силы. — Я...

— Молчи, — сказал второй мужчина, резко схватив меня за руку. Его пальцы сжались на моём запястье так, что кости затрещали. — Идём. Разберёмся. Если ты не рабыня, скажешь это хозяину рынка. А пока молчи и не дёргайся.

Я попыталась вырваться, но он был сильнее — гораздо сильнее, чем я. Его хватка была железной, безжалостной.

— Пустите! — закричала я. — Я свободная! Я...

Но они не слушали. Я была одна. Я была в чужом мире. Я была в одежде, которую никто здесь не носил. Я была без документов, без денег, без защиты. Я была рабыней в тот самый миг, когда попала сюда.

Меня втащили в повозку. Деревянные борта были шершавыми, горячими от солнца. Я сидела на дне, прижав колени к груди, и чувствовала, как слёзы текут по лицу. Мужчины переговаривались о цене, которую можно выручить за «непорочную девушку с белой кожей и длинными волосами». Они говорили о публичных домах, о богатых господах, о том, как хорошо я буду выглядеть на помосте.

Я думала только об одном: как я могла быть такой глупой? Я загадала желание, как маленькая девочка, которая верит в звёзды. Я хотела быть рядом с Октавианом. И я оказалась здесь. В Риме. В 42 году до нашей эры. В рабстве.

Повозка тряслась по дороге, и я смотрела на мир, который открывался передо мной. На поля, на крестьян, на усадьбы, на рабов, работающих в поле — согнутые спины, обожжённые солнцем плечи, цепи на ногах. На охранников с копьями.

На господские повозки, проезжающие мимо нас. На всадников в доспехах.

Это был Рим. Настоящий Рим. И я ничего не знала о том, как жить в нём.

Я знала, что такое *capitis deminutio*. Я знала, что такое манципация. Я знала, что такое юридическое лицо. Но я не знала, как выжить, когда ты — одна из тех, кто не имеет прав. Я не знала, как быть рабыней. Я не знала, как быть вещью.

Я закрыла глаза и прошептала:

— Что я наделала...

Повозка остановилась у ворот города. Мужчины вытащили меня на землю, и я увидела Рим — каким он был до того, как стал руинами. Он был высоким, белым, многолюдным, шумным, грязным, великолепным. Мраморные колонны соседствовали с деревянными лачугами. Сенаторы в тогах проходили мимо торговцев с корзинами, кричащих о цене рыбы. В воздухе витал запах хлеба, пота, дыма, благовоний и чего-то сладковатого — того, что я не могла опознать, но что было в каждом вздохе этого города.

Я шла по улице, зажатая между двумя мужчинами, и смотрела по сторонам, пытаюсь запомнить каждую деталь. Я знала, что это здание — форум. И это — курия. И там, вдали — Капитолий. Я знала всё это из книг. Но книги не передавали жару, шум, запах, страх. Книги не говорили, что делать, когда ты стоишь на рабском рынке.

Меня привели на рынок — не продуктовый, а рабский.

Место, где продавали людей.

Я стояла на деревянном помосте, босая — мои кроссовки сняли ещё на входе, потому что «так не положено», — и теперь мои ступни касались горячего, шершавого дерева. Одежду мою тоже сняли. Вместо неё на мне была грубая туника из некрашеной шерсти, которая колола кожу и пахла кислым.

Рядом со мной стояли другие рабы. Мужчины — с выжженными на спинах клеймами, женщины — с опущенными головами, дети — плачущие, цепляющиеся за взрослых. Мы все были товаром. Мы все стояли на помосте, и торговцы выкрикивали наши достоинства как качества скота.

Работоторговец — толстый, лысый человек с хитрыми глазами и масляной улыбкой — осматривал меня, как лошадь.

— Имя? — спросил он.

— Иллария, — ответила я, прежде чем успела подумать.

Он хмыкнул.

— Откуда? Имя римское, сама не римлянка.

Я молчала. Потом, медленно, как будто раздумывая, сказала:

— Я не помню. Я не знаю, как я здесь оказалась. Я... я думаю, я потеряла память.

Это была ложь. Но это была умная ложь. Я поняла это в тот самый момент, когда сказала её. Я не могла признаться, что я из другого времени — меня бы сочли сумасшедшей или, что хуже, богохульницей. Я не могла сказать правду. Но

я могла притвориться, что не знаю ничего. Это была стратегия. Это была защита.

Работороговец нахмурился. Его глаза сузились.

— Потеря памяти? — повторил он. — Не крути, девка. Говори правду. Я не люблю лгунов. У меня есть способы заставить говорить.

— Это правда, — сказала я, глядя прямо в его глаза. — Я ничего не помню. Ни имени, ни дома, ни языка. Я говорю на вашем языке, но не знаю, как выучила его. Я не знаю, кто я.

Он долго смотрел на меня, поглаживая жирный подбородок. Потом усмехнулся.

— Ну, это не проблема. Богатым господам не важно, откуда ты. Им важно, чтобы ты была послушна, здорова и красива. — Он оглядел меня с головы до ног. — А это у тебя есть. Товар хороший. Товар, за который можно получить хорошие деньги.

Я сглотнула. В горле пересохло.

— Кому вы меня продадите? — спросила я, и мой голос прозвучал хрипло.

Он пожал плечами.

— Торгуемся. Может, в публичный дом, если не найдут другого применения. Может, в усадьбу. Может, в дом знатного сенатора... — Он увидел выражение моего лица и усмехнулся. — О, не бойся, красавица. Мы тебя дорого продадим. Ты нам ещё спасибо скажешь.

Я не ответила. Я смотрела на толпу людей, которые про-

ходили мимо меня, оценивая, прицениваясь, торгуясь. Среди них не было Октавиана. Конечно, не было.

Но я знала — он где-то здесь. В этом городе. В этом времени. И я должна была выжить. Должна была добраться до него. Должна была найти способ выбраться из этого состояния, которое я создала для себя своим же желанием.

«Я хочу быть рядом с тобой», — сказала я тогда. И вот я здесь. Но рядом ли?

Я закрыла глаза и позволила себе одну минуту слабости. Минуту, когда я не была сильной, не была умной, не была студенткой, знающей римское право. Я была просто девушкой, которая попала в ад и не знала, как выбраться.

Когда я открыла глаза, я решила: я выживу. Я выживу любой ценой. Я найду его. И я узнаю, что значит быть рядом с тем, кого я выбрала. Даже если это убьёт меня.

Рынок шумел. Солнце палило. И я стояла на помосте, как товар, и ждала своего покупателя.

Я не знала, когда появится Октавиан. Я не знала, узнает ли он меня. Я не знала, будет ли он смотреть на меня иначе, чем на остальных рабынь.

Но я знала одно: я буду ждать. Потому что больше мне ничего не оставалось.

Я стояла на деревянной платформе, босая — мои кроссовки сняли ещё на входе, потому что «так не положено», и теперь мои ступни касались горячего, шершавого дерева. Одежду мою тоже сняли. Вместо неё на мне была грубая ту-

ника из некрашеной шерсти, которая колола кожу и пахла кислым. Рядом со мной стояли другие рабы. Мужчины — с выжженными на спинах клеймами, женщины — с опущенными головами, дети — плачущие, цепляющиеся за взрослых. Мы все были товаром.

— Взгляните на эту! — орал работорговец. — Молодая, здоровая, непорочная! Посмотрите на кожу — белая, как молоко! Посмотрите на волосы — длинные, тёмные, густые! Отличная служанка, отличная наложница, хорошая мать для будущих рабов!

Я сжимала кулаки так, что ногти впились в ладони. Я не плакала — я дала себе слово, что не доставлю им этого удовольствия. Но внутри я была пуста. Внутри я кричала так громко, что, казалось, это слышит весь Рим.

В толпе стояли люди — римляне, свободные граждане, в тогах и туниках, с деньгами в поясах. Они рассматривали нас, как рассматривают виноград на рынке. Иногда подходили поближе, щупали руки, заглядывали в рот, проверяя зубы. Мужчины трогали мои волосы, и я не могла отодвинуться. Женщины смотрели на меня с холодным презрением — я была ниже их, я была вещью, я была тем, чем они никогда не станут.

И вдруг — острая, разрывающая боль тоски. Тоски по тому, что я потеряла. По своим родителям, которые даже не знают, где я. По подругам, с которыми мы смеялись над глупыми шутками. По привычной жизни, где я была свободна.

Свобода. Я никогда не думала о ней как о чём-то ценном. Она была просто — воздух, вода, свет. Я не замечала её, пока не потеряла. А теперь я стояла на рынке, на помосте, в грубой тунике, и надо мной торговались, как над животным.

— Открой рот! — приказал мне работорговец, и я послушалась, потому что не послушаться означало получить удар бичом. Я уже видела, как он ударил одного из рабов — просто так, для остротки. Я открыла рот. Мужчина, который осматривал меня, заглянул внутрь, пощупал зубы.

— Хорошо, — сказал он. — Зубы целы. Возьму за тысячу двести.

— Полторы, — настаивал работорговец.

— Тысяча триста, и ни сестерцием больше!

— Идёт.

Я сглотнула. Меня продали. Меня только что продали, как вещь.

— Кто покупатель? — спросила я, пытаюсь, чтобы голос не дрожал.

Работорговец посмотрел на меня с удивлением — рабыня не имеет права задавать вопросы. Но ответил:

— Господин Марк Ливий. У него большая вилла в сельской местности. Ты будешь работать в доме.

Я чуть не задохнулась от облегчения. Не публичный дом. Не рудники. Вилла. Это было ещё терпимо.

Но в тот момент, когда я уже сделала шаг к покупателю,

в толпе произошло движение. Кто-то прошёл мимо, и я увидела, как люди расступаются, как почтительно кланяются, как шепчутся. Я не видела его лица — только спину, тогу, окутанную фиолетовой каймой. Только жесты — спокойные, властные, не терпящие возражений. Он шёл быстро, и охрана — четверо рослых мужчин с мечами — следовала за ним. Он остановился перед моим помостом. И поднял голову.

Я увидела его лицо в первый раз. Оно не было красивым — не в том смысле, как красивы статуи. Оно было острым, худым, с резкими чертами, с выступающими скулами и тонким носом. Волосы — тёмные, коротко стриженные, приглаженные. Глаза — серые, холодные, глубокие, как вода в горном озере. Глаза, которые смотрели на меня, но не видели меня. Это был он. Это был Октавиан.

Сердце остановилось на мгновение и забилось снова — так громко, что я слышала его в ушах. «Октавиан, — думала я. — Ты. Ты здесь. Ты смотришь на меня.» Но он не смотрел на меня. Он смотрел сквозь меня — как на предмет мебели, как на безликую вещь, которая не заслуживает внимания.

— Господин, — произнёс работороговец, низко кланяясь. — Господин Октавиан! Какая честь! Чем я могу служить тебе?

Октавиан повернул голову к работороговцу. Его лицо не выражало никаких эмоций.

— Я ищу личную прислугу, — сказал он. Голос был тихим, ровным, без интонаций. — Умную, послушную, не

болтливую. Мне нужны новые руки в доме.

— О! — работорговец засуетился. — У меня есть отличный выбор! Вот, например, эта девушка! — Он указал на меня. — Молодая, неиспорченная, с хорошими зубами! Я только что продал её господину Ливию, но для вас, господин Октавиан, я могу расторгнуть сделку!

Октавиан посмотрел на меня. Мельком. Как на стену.

Я смотрела на него в ответ — и в моём взгляде было всё. Отчаяние, надежда, страх, любовь — та глупая любовь к образу, который я создала в своей голове. Но он не прочитал этого. Он вообще не заметил.

— Хорошо, — сказал он равнодушно. — Я беру её.

И повернулся, чтобы уйти.

Я стояла на помосте, и внутри меня рушилось что-то важное. Я мечтала о встрече с ним. Я думала, что будет искра, будет магия, будет хотя бы взгляд, который скажет: «Я тебя вижу». Но он не видел меня. Для него я была просто рабыней. Ещё одной. Безымянной. Пустым местом. И это было большее, чем стоять на рынке. Больнее, чем торг. Больнее, чем унижение. Потому что я была влюблена в призрак. А реальность оказалась холодной, как зимний снег.

Меня сняли с помоста. Марка Ливия, первого покупателя, быстро успокоили деньгами — Октавиан заплатил за меня вдвое больше, просто чтобы не было споров. Я не видела суммы, но слышала, как работорговец довольно потирал

руки. Меня поставили в ряд других рабов — тех, кого купил Октавиан. Нас было пятеро — я, двое мужчин, ещё одна женщина и мальчик лет двенадцати. Мы стояли молча, опустив головы, пока управляющий Октавиана — пожилой, с суровым лицом — осматривал нас.

— Ты, — сказал он, указывая на меня. — Как тебя зовут?

— Иллария, — ответила я.

Он нахмурился.

— Иллария? Странное имя. Откуда ты?

— Я... Я запнулась. — Я не помню. Меня нашли на дороге. Я потеряла память.

Управляющий посмотрел на меня с подозрением, но ничего не сказал. В этом мире рабыня с амнезией — не редкость. Травмы, болезни, наказания — кто знает, что могло случиться.

— Ты будешь работать в доме, — сказал он. — Убирать, прислуживать за столом, выполнять поручения госпожи. Если будешь послушной — тебе будет хорошо. Если нет... Он не договорил. И не надо было. Я и так знала, что будет.

Меня повели к повозке. Мы все забрались в неё — пятеро рабов, как скот на убой. Я сидела, прижавшись к деревянным доскам, и смотрела на Рим, который медленно уплывал из виду. Город был огромным, шумным, страшным. И прекрасным — той особенной красотой, которая чувствуется только в исторических местах. Но я не чувствовала красоты, только страх. Я не знала, что ждёт меня на вилле, как относиться

к Октавиану. Я не знала, как выжить в этом мире, где я — никто.

Но я знала одно: я не сдамся. Я не сдамся, потому что, если я сдамся — всё будет кончено. И тогда я действительно стану просто вещью. А я не хотела быть вещью. Я хотела быть тем, кем была — человеком, знающим будущее, знающим историю, знающим, что она может изменить мир. Даже если мир не хочет, чтобы его меняли.

Повозка тряслась по каменной дороге, и я смотрела на спину Октавиана — он ехал впереди на белом коне. Прямой, холодный, недоступный. Он даже не обернулся. И в этот момент я поняла, что моя история только начинается.

Глава 3. Холодный господин

Вилла Октавиана. Тот же день, вечер.

Вилла Октавиана располагалась в нескольких милях от Рима, на холме, с которого открывался вид на долину. Мы ехали около двух часов — повозка медленно поднималась по извилистой дороге, огибая оливковые рощи и виноградники.

Я сидела, прижавшись к деревянному борту, и смотрела на проплывающий мимо пейзаж. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в багровые и золотые тона. В Италии закаты были другими — более насыщенными, более живыми, чем в моём родном городе. Или это просто казалось мне, потому что я была здесь, в чужом времени, в чужой жизни?

Рядом со мной сидели другие рабы. Мужчины — двое, крепкие, молчаливые, с опущенными головами. Женщина

— старше меня, лет тридцати, с усталым лицом и потухшими глазами. И мальчик — двенадцати лет, как мне сказали, который дрожал мелкой дрожью и не поднимал глаз.

Мы все были одинаковыми. Мы все были ничем.

Я смотрела на спину Октавиана, который ехал впереди на коне. Он был одет в простую тогу без украшений, но даже в этой простоте чувствовалась власть. Он сидел в седле прямо, уверенно, как человек, который привык повелевать. Он не обернулся ни разу за всю дорогу. Даже не посмотрел в сторону повозки. Мы были для него не людьми — мы были вещами, которые он купил, чтобы они выполняли свою функцию.

Это было трудно принять. В моей голове Октавиан был героем — умным, одиноким, почти трагическим. Я читала о его жизни, о его борьбе, о его победах. Я представляла его как человека, который ищет понимания, который страдает от одиночества, который хочет быть любимым.

Но реальность была другой. Реальность была холодной, как мрамор, на котором он сидел.

Вилла открылась перед нами внезапно — мы поднялись на холм, и я увидела её во всей красе. Это было не просто здание. Это был комплекс — несколько строений, окружённых высокими стенами. Белый мрамор, красные черепичные крыши, колонны, украшенные резьбой, сады с кипарисами и фонтанами.

Я не могла дышать. Это была красота, которую я никогда не видела — не на картинках, не в фильмах. Настоящая, жи-

вая, трёхмерная красота, которая пахла цветами и землёй.

Мы въехали во внутренний двор. Рабы уже ждали нас — выстроились в ряд, чтобы приветствовать господина. Октавиан спрыгнул с коня, не глядя на нас, и передал поводья одному из слуг.

— Управляющий, — сказал он коротко. — Займись новыми.

И ушёл. Просто ушёл. Как будто нас не существовало.

Я смотрела ему вслед, и внутри меня разрасталась пустота. Он не посмотрел на меня. Не сказал ни слова. Не спросил, кто я, откуда я, почему я смотрела на него так, как смотрела. Я была для него ничем. Я была мебелью, которую принесли в дом.

— Вы! — голос управляющего вернул меня в реальность. — Следуйте за мной. Я покажу вам ваши места и объясню ваши обязанности.

Управляющего звали Секстий. Он был высоким, худым, с морщинистым лицом и глазами, которые видели всё и не выражали ничего. Он носил простую тунику, но держался с достоинством, которое выдавало в нём человека, управляющего большим хозяйством.

— Ты, — он указал на меня. — Ты будешь работать в доме. Имя?

— Иллария.

— Иллария, — повторил он, смакуя имя, как будто пробуя его на вкус. — Не римское. Откуда ты?

Я повторила свою историю — найденная на дороге, потерянная память, ничего не помню. Секстий выслушал меня без выражения, потом кивнул.

— Хорошо. Это не важно. Ты будешь прислуживать в главном доме — убирать, помогать на кухне, прислуживать за столом. Господин Октавиан не терпит грязи и шума. Ты должна быть тихой, проворной и незаметной.

— Я поняла, — сказала я.

— Хорошо. Следуй за мной.

Он провёл меня через двор к небольшому строению — жилому помещению для рабов. Там были комнаты с нарами, общие, разделённые только перегородками. Воняло потом и несвежим воздухом. На узкой лежанке лежала грязная тряпка.

— Это твоё место, — сказал Секстий, указывая на лежанку. — Твоя смена начинается с рассветом. Ты будешь помогать на кухне, убирать в атриуме и, когда потребуется, прислуживать господину и его гостям.

— Гостям? — переспросила я.

— Да, — сухо ответил он. — Господин Октавиан часто принимает гостей — сенаторов, военачальников, советников. Ты должна быть невидимой, но всегда готовой подать вино, убрать посуду, выполнить любое поручение. Если будешь шуметь — вылетишь.

Я кивнула. Всё это звучало просто, но я знала, что простота обманлива.

Следующие несколько дней были испытанием.

Меня поставили на кухню — помогать повару, старой женщине по имени Флавия. Она была грубой и громкой, командовала рабами, как солдатами, и не терпела ошибок.

— Быстрее! — кричала она, когда я чистила овощи. — Господин не любит ждать! У тебя руки, а не крюки! Что ты там копаешься, как улитка!

Я работала молча. Я научилась делать это — быть тихой, быть незаметной, быть просто рабыней. Я чистила овощи, мыла полы, убирала столы после трапез. Я видела Октавиана несколько раз — он проходил мимо, не глядя на меня, не останавливаясь.

Он был таким же, как в первый день. Холодным, сосредоточенным, недоступным.

Но я наблюдала за ним.

Я наблюдала, как он читал свитки в атриуме, склонившись над столом, сжимая челюсти от напряжения. Я наблюдала, как он разговаривал с советниками — коротко, резко, без лишних слов. Я наблюдала, как он сидел один за столом, когда все гости уходили, и в его глазах появлялась усталость, которую он никогда не показывал при других.

Это был не герой. Это был человек. Холодный, одинокий, загнанный в угол политикой и войной.

И я вдруг поняла, что моя любовь к нему — та, книжная, романтическая — была иллюзией. Но то, что я чувствовала теперь — было другим. Было реальным.

Я жалела его. Я хотела помочь ему. Я хотела, чтобы он перестал быть таким одиноким. Но я была рабыней. Я была никем. Я не имела права даже заговорить с ним.

На четвёртый день я впервые столкнулась с ним лицом к лицу. Это произошло случайно. Я убирала в атриуме — вытирала пыль с мраморных статуй, мыла полы. Я была сосредоточена на работе и не слышала, как он вошёл. Я подняла голову — и увидела его.

Он стоял в дверях, смотря на меня. Его лицо было непроницаемым, но в глазах мелькнуло что-то — удивление? Любопытство?

— Ты, — сказал он.

— Да, господин? — Я опустила глаза, как учили.

— Ты та, которую я купил на рынке.

— Да, господин.

Он сделал шаг ближе, и я почувствовала его запах — чистый, резкий, с нотками лаванды и чего-то горького. От него пахло кожей и пылью дорог.

— Твоё имя?

— Иллария, господин.

— Иллария, — повторил он, и его голос изменился. Стал чуть мягче, чуть теплее. — Странное имя. Я слышал, что у тебя нет памяти.

— Да, господин. Я ничего не помню.

Он стоял и смотрел на меня. Я чувствовала его взгляд — изучающий, острый, как нож. Мне казалось, он видит меня

насквозь.

— Ты странная, — сказал он вдруг. — Ты не ведёшь себя как рабыня. Ты держишь голову слишком высоко.

Я замерла. Это была опасная игра.

— Простите, господин, — сказала я тихо. — Я не знаю, как должна вести себя рабыня. Я просто стараюсь делать свою работу хорошо.

Он усмехнулся — сухо, коротко, но это была усмешка. В ней не было тепла, но было что-то человеческое.

— Научись, — сказал он. — А пока — продолжай рабывать.

И он ушёл.

Я стояла в атриуме, глядя ему вслед, и чувствовала, как колотится сердце. Он заметил меня. Он заметил, что я не такая, как другие.

И это было началом.

Ночью я не могла уснуть. Я лежала на своей жёсткой лежанке, смотрела в потолок и думала о нём. О том, как он стоял передо мной, как смотрел на меня, как его голос дрогнул, когда он произнёс моё имя.

Я думала о том, что он, возможно, не так холоден, как кажется. Что за этой маской скрывается кто-то другой — кто-то, кто боится доверять, кто боится быть раненым.

Я вспоминала его глаза. В них была боль. Глубокая, старая боль, которая не проходила годами. Я видела её, когда он смотрел на меня. И я хотела понять, что её вызвало.

Я закрыла глаза и попыталась представить его детство. Каким он был, когда был маленьким? Что он чувствовал, когда его отец умер? Когда его мать вышла замуж за другого? Когда его усыновил Цезарь?

Я знала из книг, что он был слабым ребёнком. Болезненным, худым, с вечной лихорадкой. Его дразнили в школе. Над ним смеялись. Он не мог защитить себя — у него не было ни силы, ни влияния. Он выживал только потому, что был умнее других. Он учился просчитывать ходы, читать людей, видеть их слабости.

Он научился быть холодным, потому что тепло приносило только боль.

Я вздохнула и перевернулась на бок. Спать не хотелось. Я думала о маме, о Мишке, о том, что они, наверное, уже ищут меня. Мама, наверное, обзвонила всех моих друзей, подала заявление в полицию. Мишка, наверное, плачет, потому что я не приехала на выходные.

Я чувствовала себя виноватой. И одновременно — злой на себя за то, что чувствую вину. Я не выбирала это. Я не хотела попадать сюда. Но я была здесь. И я должна была выжить.

Я закрыла глаза и прошептала в темноту:

— Мама, прости меня. Мишка, прости меня. Я вернусь. Я обещаю. Я вернусь.

Но я не знала, правда ли это.

На пятый день я узнала о нём больше.

Я подавала вино на ужине, когда Октавиан принимал го-

стей — двух сенаторов и военачальника. Я стояла в углу, стараясь быть невидимой, но слушала каждое слово.

Они говорили о войне. О битве при Филиппах, которая должна была решить судьбу Рима. Октавиан слушал их молча, но я видела, как он сжимает кубок, как его челюсти напрягаются.

— Антоний слишком самоуверен, — сказал один из сенаторов. — Он думает, что победит легко. Но у нас есть преимущество.

— Какое преимущество? — спросил другой.

— Нас двое, — сказал Октавиан, и его голос был холодным, как лёд. — Мы не дадим ему соединиться с Кассием. Мы ударим первыми. Мы разобьём их по частям.

— Это риск, — сказал военачальник. — Если мы ошибёмся, мы потеряем всё.

— Мы не ошибёмся, — сказал Октавиан. — Я не позволю.

Я смотрела на него и видела не просто полководца. Я видела человека, который загнал себя в угол. Который не может позволить себе проиграть, потому что проигрыш — это смерть. Не только его смерть. Смерть всего, что он строил.

После ужина, когда гости ушли, я осталась убирать стол. Октавиан сидел в кресле, глядя в пустоту. Он не замечал меня. Он был где-то далеко.

Я подошла ближе, чтобы забрать кубок, и он вдруг поднял голову. Его глаза встретились с моими.

— Ты слышала, о чём мы говорили? — спросил он.

Я замерла.

— Я... я не хотела подслушивать, господин. Я просто...

— Ты слышала, — повторил он. Это не был вопрос.

Я кивнула.

— И что ты думаешь?

Я сглотнула. Это был тест. Он проверял меня.

— Я думаю, что вы правы, господин, — сказала я тихо. —

Если вы ударите первыми, вы победите. Но вы должны быть готовы к тому, что битва будет жестокой. И вы должны быть готовы к тому, что вам придётся пожертвовать многим.

Он смотрел на меня долго. Потом усмехнулся — той же холодной усмешкой, что и в первый раз.

— Ты странная, Иллария, — сказал он. — Ты говоришь как человек, который видел войну. Но ты всего лишь рабыня.

— Может быть, я видела её во сне, господин, — сказала я. — Может быть, мои сны — это моя память.

Он ничего не ответил. Он просто смотрел на меня, и я чувствовала, как его взгляд проникает в мою душу.

— Убирайся, — сказал он наконец.

Я ушла.

Но я знала — он запомнил меня. И это было началом чего-то большего.

Глава 4. Вилла, где стены слушают

Вилла Октавиана. Четвертый день после покупки рабов.

Октавиан сидел в своём кабинете, склонившись над свитком, и чувствовал, как усталость въедается в кости.

Она была старой знакомой — эта тупая, вязкая тяжесть, которая появлялась после долгих часов работы и не проходила даже после сна. Она сидела в плечах, в шее, в глазах, которые жгло от напряжения. Она была частью его, как дыхание, как биение сердца.

За окном уже стемнело. Он работал с рассвета — читал донесения из провинций, писал письма союзникам, изучал отчёты о передвижении войск Антония. Бумаги громоздились на столе, и с каждым часом их становилось всё больше. Свитки лежали один на другом, образуя горы, которые, казалось, росли сами собой.

Сейчас он перечитывал донесение от своего легата из Македонии. Битва при Филиппах приближалась — он чувствовал это каждой клеткой тела. Антоний медлил, но Октавиан знал: скоро они столкнутся. Скоро всё решится. И он должен быть готов.

Он потёр переносицу и откинулся на спинку кресла. Глаза жгло, голова гудела. Он знал, что нужно отдохнуть, но не мог позволить себе роскошь слабости. Не сейчас. Не когда судьба Рима висела на волоске.

Дверь в кабинет была приоткрыта — он всегда держал её открытой, чтобы слышать, что происходит в доме. В этом была его стратегия: контролировать всё, знать всё, быть на шаг впереди всех. Каждый шорох, каждый шепот, каждый шаг — всё должно было быть ему известно.

И поэтому он слышал её голос.

— ...да, Флавия, я уже всё убрала. Могу я взять воды? Я хочу умыться перед ужином.

Голос был тихим, но чётким. С акцентом — странным, непривычным, не похожим ни на один из диалектов Италии. Он был мягче, что ли. Теплее. В нём было что-то, что заставляло его слушать, даже когда он не хотел.

Октавиан нахмурился. Он узнал этот голос — это была та рабыня, которую он купил на рынке. Иллария. Он вспомнил её имя — оно застряло в памяти, хотя он не хотел этого. Оно всплывало в мыслях в самые неподходящие моменты.

Он снова вспомнил её взгляд. Тот момент в атриуме, когда она подняла на него глаза. В них не было страха. Не было покорности. Был страх — но другой. Сложный. Запутанный. И ещё что-то, чего он не мог понять.

Это раздражало его. Рабы должны бояться. Рабы должны опускать глаза. Рабы не должны выглядеть так, будто они знают что-то, чего не знаешь ты. Они должны быть пустыми сосудами, которые наполняются волей господина.

Октавиан отложил свиток и встал. Он подошёл к двери и приоткрыл её чуть шире, чтобы видеть коридор. Она стояла у колодца во внутреннем дворе, переговариваясь с кухаркой. В темноте её фигура казалась хрупкой, почти нереальной. Она держалась прямо — не так, как держатся рабыни, сутулясь и опуская плечи. Она держалась как свободная женщина.

Октавиан смотрел на неё, и внутри него поднималось раз-

дражение. Почему она не ведёт себя как рабыня? Почему она не боится? Почему он не может перестать думать о ней?

— Господин? — раздался голос Секстия за спиной. — Вам что-то нужно?

Октавиан повернулся к управляющему, и его лицо мгновенно стало непроницаемым. Он не позволял себе слабости. Никогда.

— Нет, — сказал он. — Просто проверяю порядок.

Секстий кивнул, но в его глазах мелькнула тень. Он знал, что Октавиан не проверял порядок. Октавиан никогда не проверял порядок. Но он не сказал ни слова. Он знал своё место.

— Новые рабы работают хорошо, — сказал Секстий. — Особенно та девушка. Иллария. Она умная и быстрая. Флавия довольна. Говорит, что она работает лучше, чем трое других вместе взятых.

Октавиан почувствовал, как что-то кольнуло внутри. Он не хотел слышать о ней. Он не хотел думать о ней. Но слова Секстия застряли в голове, как заноза.

— Она не похожа на рабыню, — сказал он. Не вопрос — утверждение.

Секстий кивнул.

— Да, господин. Она говорит, что потеряла память. Её нашли на дороге в одежде, которую никто здесь не носит. Никто не знает, откуда она. Она не похожа на тех, кто обычно оказывается на рынке.

— Потеряла память, — повторил Октавиан. — Удобно.

Секстий ничего не ответил. Он знал, что лучше не спорить с господином.

— Проследи за ней, — сказал Октавиан. — Если она что-то скрывает, я хочу знать.

— Да, господин.

Секстий ушёл. Октавиан вернулся в кабинет и сел за стол. Свитки лежали перед ним, но он не видел их. Он думал о ней. О странной рабыне с чужими глазами и странным акцентом. О том, как она смотрела на него в атриуме — так, будто знала его. Будто видела сквозь него.

Это была глупость. Рабыня не может знать ничего. Рабыня — это просто инструмент. Нечто, что выполняет функции. Но он не мог забыть её взгляд. И это бесило его больше всего.

Он вспомнил своё детство. Мать, которая вечно была занята политикой. Отчим, который смотрел на него с презрением. Цезарь, который усыновил его, но никогда не любил. Всю его жизнь люди использовали его. Все хотели чего-то от него. Никто не любил его просто так.

И эта рабыня смотрела на него так, будто он был кем-то важным. Будто он был человеком, а не оружием.

Он не знал, что с этим делать. Он не знал, как быть человеком, которому не нужно защищаться. Он не знал, как быть тем, кого любят за то, кто он есть, а не за то, что он может дать.

Но он знал одно: он не позволит себе слабость. Не сейчас.

Не в этой войне.

И всё же, когда он лёг в постель, он думал о ней, её голосе и взгляде. О том, как она сказала: «Спокойной ночи, господин».

Он не спал до рассвета.

На следующую ночь он снова не спал. Он стоял у окна, глядя на луну, и думал о том, что никто никогда не говорил ему правду. Никто. Все лгали — Антоний, сенаторы, даже его собственная мать. Все хотели использовать его. Все видели в нём инструмент для достижения своих целей.

А эта рабыня — она смотрела на него так, будто он не инструмент. Будто он был кем-то важным для неё. Будто она видела в нём человека, а не оружие.

Он думал о своей жизни. О том, как он был слабым ребёнком. Как его дразнили в школе. Как он боялся темноты, потому что в темноте его никто не защищал. Как он научился быть сильным, потому что слабость была смертью.

Он думал о Цезаре. О том, как тот смотрел на него — с лёгким презрением, с насмешкой. «Ты слишком худ, Октавий. Ты слишком слаб. Ты никогда не станешь воином». И он стал. Он стал тем, кого боялись. Но внутри, в самой глубине души, он всё ещё был тем мальчиком, который боялся темноты.

И эта рабыня — она видела это. Она видела его настоящего. И это было самым страшным.

Он не мог позволить ей видеть его настоящего. Он не мог

позволить ей приблизиться. Это было опасно. Это была слабость. А слабость — это смерть.

Но он не мог выбросить её из головы.

И это было самое страшное.

Глава 5. Латынь с чужим акцентом

Вилла Октавиана. Иллария. Неделя спустя.

Прошло семь дней с тех пор, как я оказалась на вилле. Семь дней ада, который постепенно превращался в рутину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.